

ЗА РУБЕЖОМ

В НАЧАЛЕ БЫЛО
СЛОВОИНТЕРВЬЮ
С АКТРИСОЙ
В ПАУЗЕ
МЕЖДУ
СПЕКТАКЛЯМИ

На фасаде театра «Берлинер ансамбль» хлопало под ветром белое полотнище с надписью «Сегодня мы играем «Трехгрошовую оперу», а с театральной афиши пиратка Дженни — Гизела Май пела про фрегат, который «черный выкинет флаг».

Наискосок через улицу, знаменитую берлинскую Фридрихштрассе, светился огнями театр оперетты «Метрополь», реклама которого извещала о постановке мюзикла «Хэлло, Долли!» с Гизелой Май в главной роли.

В тот же день «Нойес Дойчланд» сообщила о выпуске новой грампластинки с записями песен Бертольта Брехта и Ганса Эйслера в исполнении лауреата Национальной премии ГДР Гизелы Май...

На телефонный звонок в Государственную высшую музыкальную школу мне вежливо ответили, что заставить в институте доцента Гизелу Май сейчас нелегко, так как она уезжает на неделю в Швецию для преподавательской работы. И даже, когда я отыскал в центре Берлина старинный дом и дверь с лаконичной надписью «Май» на табличке, все еще не верилось в успех своего предприятия.

Она словно знала заранее первый вопрос.

— Я актриса театра. А музыка всегда была частью моей жизни, хотя раньше я не думала, что стану певицей, да еще и довольно популярной. Сегодня я интерпретирую песни как артистка театра, ищу музыкальные образы на драматической сцене. Хотя мелодия и текст в моих песнях слиты воедино, все же слово стоит в них на первом месте. Так что, несмотря на многообразие своей сценической деятельности, я всегда остаюсь актрисой театра.

Странное дело: то, что поет Гизела Май, называется здесь французским словом «шансон» или на английский манер — «сонг». Я спрашиваю собеседницу об этом. Гизела улыбается:

— Я, право, не музыковед, но, наверное, так: «шансон» — это тема личных чувств, певец как бы работает прозрачными акварельными красками, а «сонг», как понимал этот термин Брехт, — жанр наступательный, полный большого общественного звучания. Конечно, границы между этими жанрами подвижны, и, скажем, «сонг» пиратки Дженни из «Трехгрошовой оперы» Брехта и Вейля — тоже песня о любви, но такой, которую я бы назвала... агрессивной, заявляющей о себе во всеуслышание.

— Значит ли это, что ваш «шансон» ближе к французскому жанру песни, к французскому манере исполнения?

— Думаю, что нет. Здесь сходство лишь в названии. Во всяком случае, «шансоны» в парижском смысле этого слова из меня не получились. Я не раз пыталась петь легкие, изящные строфы, но всегда что-то недовольно терлось — то ли в переводе, то ли в моей передаче...

Гизела Май выходит из комнаты на звонок телефона, я по-прежнему слышу ее резковатый голос, каждое слово звучит четко и округло, будто со сцены, а перед глазами — вереница лиц Гизелы Май: на фотографиях по стене, на обложках грампластинок в огромных шкафах.

«Песня железнодорожников из Форт-Дональда», написанная санитаром Бертольтом Брехтом на третьем году мировой войны. Лицо пе-

вицы блесит, словно струится по нему вода озер Огайо, где гибнут они, «мужчины из Форт-Дональда»...

Безумный лик мамыши Кураж — одни только глаза, огромные, одержимые и не понимающие, что сама она, мать, повела на смерть своих детей...

«Жестокый романс о Мэки-Мессере» — безразличная физиономия шарманщика, а под этой маской, едва заметными тонами — восхищение и страх перед знаменитым лондонским бандитом...

Как достигает этого Гизела Май при всей нарочитой плакатности многих песен Брехта? Как удается ей тончайшая игра в пьесах великого драматурга, который требовал на сцене рассказа, а не действия, апелляции к разуму зрителя, а не к его эмоциям?

— В таком случае надо вспомнить слова Брехта о «языке жестов», о том, что называл он «социальным жестом», — возвращается к нашему диалогу Гизела Май. Наверное, лучше всего этим искусством владел замечательный певец Эрнст Буш. Мой отец, заведующий литературным отделом Лейпцигского драматического театра, в самые страшные времена нацизма хранил дома пластинки с записями Буша, и часто, наглухо заперев двери, мы тихонько проигрывали любимые песни. А много лет спустя, в 1957 году, я должна была исполнить несколько «сонгов» Брехта в литературно-музыкальной композиции на сцене берлинского «Немецкого театра», где основную часть программы занимало выступление Эрнста Буша. Я стояла вместе с ним на сцене и, совершенно очарованная его пением, наблюдала, до чего непосредственно, с какой прямой адресовал певец свое искусство зрителю, восхищалась его умением по-разному реагировать на того или иного слушателя. Подчас его исполнение производило впечатление импровизации, но я-то отлично знала, как тщательно он отшлифовывал малейшие оттенки каждой песни...

Музыкальная критика ГДР нередко сравнивает певческую манеру Гизелы Май со стилем известных исполнителей «сонгов» и баллад Брехта конца двадцатых годов: Тухольского, Ведеккина, отмечая, что Май поет жестче, прямолинейнее своих предшественников.

— Что же, я согласна в этом с критикой и считаю, что именно так нужно петь сегодня — в ритмах време-

ни, — говорит певица. — Ведь верность традициям — это развитие их, а не копирование прошлого.

В 1959 году на сцене миланского «Театро пикколо» Гизела Май впервые выступила в концерте с песнями на слова Бертольта Брехта. С тех пор она гастролировала едва ли не во всех столицах Европы и во многих городах Америки, пела в солидных программах, которые транслировались телевидением СССР, Польши, ФРГ, Франции, Финляндии, США и других стран. Что же запомнилось ей больше всего во время зарубежных гастролей?

— В 1971 году, завершая поездку по США, я дала специальный концерт в здании ООН. Последним номером программы я исполнила «Песню о мире» на слова Пабло Неруды, обращенную к людям всей нашей планеты... А несколькими годами раньше я была в Советском Союзе в составе труппы «Берлинер ансамбль». Мы играли в Москве, в Вахтанговском театре, и в Ленинграде, а потом у меня был вечер с чтением Брехта. Все это было незабываемо вплоть до трогательных мелочей. Например, только у вас в стране зрители подавали мне на сцену записки с просьбами исполнить ту или иную вещь...

Итак, «Берлинер ансамбль» и театр «Метрополь», грампластинки с песнями и стихами и преподавание в Высшей музыкальной школе имени Г. Эйслера, зарубежные гастроли...

— ...и еще «Семь смертных грехов», — смеется актриса. — Так называется музыкальная пьеса Бертольта Брехта и Курта Вейля на сцене Немецкой государственной оперы, где мне поручена роль Анны I. Плюс семинары в училищах музыки в Брюсселе и Копенгагене, съемки на телевидении (помоему, удачные) и в кино (явно неудачные), выступления в университетских городах ГДР — Лейпциге, Ростокке, Пене, работа над новой пластинкой с репертуаром политических песен 1900—1930 годов, пробы в новой пьесе Бернарда Шоу «Профессия миссис Уоррен» на сцене «Берлинер ансамбль».

...Через несколько дней, проходя возле здания театра, я уже видел афишу очередной премьеры. Главную роль в «Профессии миссис Уоррен» играла Гизела Май.

А. ГРИГОРЬЕВ,
корр. ТАСС — для
«Советской культуры».
БЕРЛИН.